

Ю. И.
АЙХЕНВАЛЬД

Избранное

Юлий Айхенвальд
Полежаев

«Public Domain»

1914

Айхенвальд Ю. И.

Полежаев / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain», 1914 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-32381-0

«В некоторых отношениях поэзия Полежаева звучит лермонтовскими тонами, правда, в ней гораздо меньше силы и больше элементарности; она – без глубины, без тонких изгибов мысли; она откровенна и наивна, любит посмеяться и насмеяться, – иногда поспешно. Но мы слышим, как у Лермонтова, ноты страстного мятежа, бурный вызов, первые выклики русского анархизма; то и дело сверкает „анархический булат“...»

ISBN 978-5-457-32381-0

© Айхенвальд Ю. И., 1914
© Public Domain, 1914

Юлий Исаевич Айхенвальд Полежаев

В некоторых отношениях поэзия Полежаева звучит лермонтовскими тонами, правда, в ней гораздо меньше силы и больше элементарности; она – без глубины, без тонких изгибов мысли; она откровенна и наивна, любит посмеяться и насмеяться, – иногда поспешно. Но мы слышим, как у Лермонтова, ноты страстного мятежа, бурный вызов, первые выкрики русского анархизма; то и дело сверкает «анархический булат». А затем – конечный отказ от борьбы, борьбы с самим собою и со всяческим самовластием, которое в лице Николая I так жестоко обрушилось на Полежаева и за неприличную, грубую поэму «Сашка», за некрасивую шалость юных лет, в корне испортило ему жизнь – изгнанием, ссылкой, подневольной солдатчиной. Вероятно, этим и объясняется, что в нашей литературе Полежаев выступил как поэт отчаяния. «Своенравно-недовольный», он создает иступленные стихи, он часто говорит о своей гибели, о том, что он не расцвел и отцвел в утре пасмурных дней, о том, что ему всегда сопутствовал некий злобный гений:

Мой злобный гений
Торжествовал!

У него сосредоточенно мрачные жалобы, трагическое безумие и самоупоение безысходности, страстность печали. Он – возможный самоубийца. Но к этому психологически необходимо присоединилось в юноше и то, что ему любо стало его несчастье, лестно показалось быть или, по крайней мере, слыть отверженным и преступным, и он не хотел бы, чтобы истина извлекла его из тьмы ожесточения. Он почувствовал обаяние тьмы, радость и гордость изгнанничества. Ему сделалось бы не по себе, если бы дух упорный, его гонитель на земле, слишком рано оставил его в покое. И мало-помалу Полежаев, в гордыне своей скорби, в восторге отчаяния, признал себя Люцифером, Каином, некроманом и возомнил о себе, что на него, атеиста, Бог обращает свое мстительное внимание.

И дышит все в создании любовью,
И живы червь, и прах, и лист,
А я, злодей, как Авелевой кровью,
Запечатлен, – я атеист!

Ему никогда не приходило на мысль, что Бог равнодушен к его безбожию. Ему радостно было считать себя выключенным из природы, – как звено, выпавшее из цепи бытия Полежаев злоупотреблял адом. Нельзя, однако, сказать, чтобы он рисовался, манерничал: иллюзия его была искренней, и мнимое перешло в действительное. Чувствуя себя исключением, однажды внушив себе этот аристократизм несчастья, он метался по земле, опустошенный страдающий, «живой мертвец». Он «без смерти умер в белом свете». «Вампир гробовой», он видел в себе какой-то призрак, тягостное человеческое недоразумение. Он верил в свою смерть, уже наступившую, смерть без памятника, предшественницу той физической гибели, которая часто рисовалась ему в виде казни и безвестной, бескрестной могилы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.